

Гайдар, Лайус

Томе - ет "

"

89 год м.с.г.в

№9

БЕЗ РАСКАЧКИ

ЗАМЕТКИ СО СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Двадцатилетие застоя — непозволительная роскошь в наш динамичный век. Теперь, когда приходится наверстывать упущенное, у нас нет запаса времени для проб, нет запаса прочности для ошибок. Перестройка, начатая с опозданием, вынуждена спешить. Не случайно Съезд народных депутатов аплодировал периодически повторявшимся призывам, казалось бы, взаимно противоположного содержания. Куда мы спешим, надо все обдумать спокойно, говорили одни. Хватит разговаривать, давайте скорее к делу, требовали другие. И в словах обеих сторон была правда.

В этой ситуации Съезд сделал единственно возможное: двинулся вперед, на ходу нащупывая и новаторские решения, и необходимые компромиссы, согласования противоречивых интересов. Наблюдателям у телевизоров могло показаться, что депутаты порой медлили, кропотливо развязывая, казалось бы, незначительные узелки. Но будущий историк наверняка стремительно стремительности политического прогресса, запечатленной в материалах Съезда.

Речь не только о новых политических структурах, рождающихся в считанные часы и сменяющих традиционный аппарат, утверждавшийся десятилетиями. Речь и о новой культуре политического общения, которую нельзя ввести декретом и которая по своему значению для нашей жизни превосходит многие декреты.

Иные перемены, которые поразили бы всех нас лет пять назад, в эти дни прошли вовсе не замеченными на фоне событий более значительных. Вспомним: менее года назад в этом же зале работала XIX Всесоюзная партконференция, удивившая страну небывалой раскованностью, откровенностью, критичностью. Однако и она не отказалась от старой привычки: высший форум партии после каждого перерыва стоя приветствовал аплодисментами входящих членов президиума. Здесь, на Съезде, это отпало само собой и, похоже, незаметно.

Примечательно и то, что на Съезде народных депутатов ни для критики, ни для дискуссии барьеров не было. И — это норма демократической работы в цивилизованном государстве. Но мы долго и трудно возвращались к этой норме после десятилетий ненормальностей, и потому есть основания констатировать: эта ступень пройдена, это за нами, можем двигаться дальше.

События Съезда набегали с такой быстротой, что очередной эпизод отодвигал в сознании предшествующие, не давая осмыслить их до конца. По-видимому, для полного использования приобретенного опыта полезно еще не раз воспроизвести заново в нашей памяти все события этих дней. Не просто вспомнить, а обдумать, проанализировать. Такая попытка была предпринята уже на самом Съезде, когда в начале его третьего дня вдруг вспыхнула острая дискуссия о том, как оценить проделанную за два дня работу и как работать дальше, — стихийная дискуссия, ставшая не менее важной, чем решения, предусмотренные повесткой дня. Но участники этого эмоционального диалога не ставили задачу последовательно анализировать весь ход работы — многое осталось вне их поля зрения. Между тем внимательного изучения заслуживает каждый эпизод, ибо Съезд, избранный по-новому, стал подлинным

зеркалом страны, ее мыслей и настроений. Он отразил не только завоевания нарождающейся политической культуры народовластия, но и ее слабость, незрелость, даже предрассудки.

Вспомним хотя бы обсуждение одной темы, вдруг возникшей при выборах Председателя Верховного Совета СССР. Кандидату на этот пост был задан вопрос: откажется ли он от поста Генерального секретаря ЦК КПСС. Приследим реакции депутатов. Вопрос обсуждался еще на XIX партконференции, где о совмещении должностей спорили до хрипоты и проголосовали не единогласно. Все возражавшие оговаривались: по поводу совмещения высших постов в партии и государстве возражений нет. И вдруг на Съезде — целая череда выступлений с самыми неожиданными аргументами.

Ссылались на Аснина, который не был Генеральным секретарем ЦК, — и никто не возразил, что в ту пору Генсек не был лидером партии. Ленин председательствовал в Политбюро, делал основные доклады на съездах — ни у кого не было сомнений, что лидером партии является Председатель Совнаркома.

Категорически заявляли, что в правовом государстве совмещения не бывает — и никто не напомнил, что лидер правящей партии занимает пост главы государства либо правительства в Великобритании, Канаде, Японии, Швеции, ФРГ и многих других буржуазных демократиях. Нередко практикуется совмещение и в социалистических странах.

Председательствовавший на этом заседании, пожалуй, имел основания сочетать демократизм с большей активностью. Он мог поставить на голосование предложение о том, чтобы отвести вопрос, как это делалось на многих предвыборных собраниях, когда вопросы кандидатам ставились некорректно или неправомерно. В самом деле, разве есть в мире примеры, когда бы парламенты вмешивались во внутреннюю жизнь партий, диктовали им кадровые решения? В любой стране такая попытка была бы отвергнута как грубейшее нарушение демократии, ибо органы государства, в том числе и высшие, могут требовать от партии только одного — соблюдения законов. Но понятно и другое: исторический опыт нашей страны придает вопросам взаимодействия партии и государства особую остроту. Так что хорошо, что и эта дискуссия состоялась: депутатам нужно было освоиться в непривычной одежде новой политической системы.

Признаки этого процесса освоения, первого ознакомления видны и в других выступлениях. Еще не изжитые романтические представления о закономерностях общественной жизни отражает, например, своего рода «инструментальное» понимание демократии, прозвучавшее в ряде речей. Мечта о некоем самом надежном инструменте, будто бы способном навсегда защитить нашу демократию от всех опасностей, — у одних это прямые всенародные выборы главы государства, у других — референдум по всем вопросам. Так и хочется спросить: а если бы полвека назад устроить прямые выборы руководителя страны, кто победил бы? Конечно, демократические инструменты необходимы. И все же мировой опыт свидетельствует — нет такого чудодейственного приема, который мог бы заменить сложный комплекс знаний и привычек, законов и процедур, именуемый политической культурой общества. Ее нельзя вырастить легко и быстро, но гарантий демократии может быть только она.

Съезд дал нам огромное приращение политической культуры и потому, что весь народ разом смог увидеть, чего нам больше всего не хватает в этой области. Вот депутат из Литвы требует отказаться от избрания представителей республик в Верховном Совете всем Съездом — и подавляющее большинство сразу понимает неприемлемость такой идеи. Но затем начинается разговор о квотах для областей и краев, даже для городов — и это принимается большинством как должное.

Немногочисленные призывы избирать депутатов высшего органа прежде всего по личным качествам, а не по месту проживания не находят отклика.

Некоторые депутаты не освоились еще в новом для себя круге понятий, в правовых нормах, определяющих их работу. Несколько ораторов требовали, например, альтернативных выборов первого заместителя Председателя Верховного Совета СССР, что очевидно невозможно, коль скоро кандидата выдвигает Председатель Верховного Совета — ведь не может быть у него сразу двух мнений о кандидате. Другие требовали материалов по кандидатурам министров еще до доклада Н. И. Рыжкова, хотя кандидатуры эти может предлагать только утвержденный глава правительства. Периодически возникали предложения на ходу изменить Конституцию, как только обнаружилось (или казалось), что конституционная норма мешает быстро принять очередное решение. Но ведь депутатский запрос, высказывающийся в общей форме идею, отличается от законодательной инициативы.

Все это можно понять, особенно — настойчивое желание альтернативности выборов во всех случаях, где это возможно. Большинство подобных демократических требований справедливо. Однако требовательность и напор не могут заменить знания, не могут служить главным аргументом дискуссии. Очевидно, долг депутата не сводится к тому, чтобы быть смелым и настойчивым. Видимо, заслуживает внимания опыт депутатов-комсомольцев, которые два месяца между выборами и началом Съезда использовали, в частности, и для изучения ожидающих их проблем. Нет ничего зазорного в том, чтобы люди из разных слоев народа, выдвинутые на политическую арену демократической волной перестройки, обладающие знанием жизни, облеченные доверием избирателей, но не искушенные в правовых вопросах, восполнили пробел в своих знаниях. Демократических политических структур, эффективных процедур не создашь без опоры на накопленную политическую и правовую культуру.

Но, конечно, наиболее важным событием стало не освоение известной политической культуры, а создание новой. В запале споров первых дней случилось так, что в состав Верховного Совета не вошел Б. Н. Ельцин. Достижением четвертого дня Съезда стало то, что был найден путь решения этого вопроса. В этот день произошло и другое: депутаты стали более внимательно слушать друг друга.

Одну тему надо отметить особо: межнациональные отношения, и прежде всего проблемы и права республик. Депутаты принесли в Кремлевский зал тяжкий груз наследия прошлых десятилетий: проблемы НКАО и трагедия Арала, последствия неупорядоченной миграции населения и не возвращенные до сих пор права репрессированных Сталиным народов, угрозу существованию многих языков и миранию деревни Нечерноземья — колыбели русской культуры. К этому добавились импульсы напряженности, возникшие уже в перестроечное время из-за неправильной реакции на подобные проблемы — прежде всего речь шла о трагедии в Тбилиси. Нет, не было благостным — в духе традиционных речей о гарантированной навеки дружбе народов — обсуждение этой темы на Съезде. Не все проявили готовность к примирению, не все продемонстрировали точное понимание политических реальностей. Да и странно было бы ожидать этого с первых шагов обсуждения таких болезненных проблем. Одно вселяет надежду: преобладающее желание выслушать, понять, научиться уважать иную точку зрения.

Спонтанная дискуссия третьего и четвертого дней заседаний, которую можно было бы назвать «Съезд о самом себе», показала, что четыре года перестройки не прошли даром для нашего общества. Съезд сумел отделить зерна от плевел в речах, положивших начало этой дискуссии. Запальчивость, резкость не помешали увидеть большую

долю правды в прозвучавшей критике проделанной работы. И сама эта готовность Съезда к деловой самокритике превратила неожиданные выступления в часть полезной работы.

И все же самым важным, чего ждала страна от Съезда, было обсуждение конструктивных предложений о предстоящей деятельности, несложных практических мер, которые помогут улучшить положение в стране.

На Съезде неоднократно, настойчиво звучали слова: корни обострения политической ситуации — в экономике. Общество устало от пустых прилавков, дефицита элементарных предметов повседневного спроса, от укоревающейся карточной системы. Если в ближайшее время не поправить положение, не добиться повышения уровня жизни — это обернется ростом социальной напряженности. Естественно, что именно поворот экономики к человеку, анализ причин трудностей в хозяйственном развитии, поиск путей, позволяющих переломить негативные тенденции, оказались в центре доклада М. С. Горбачева.

Внешне самое эффективное в нем — впервые открытые данные о величине реальных расходов на оборону, предложения по их сокращению. Конечно, это лишь первый шаг к формированию действенного механизма общественного контроля за оборонной политикой. Депутатам придется научиться взвешивать целесообразность затрат на конкретные оборонные программы, овладевать искусством, позволяющим поддерживать ассигнования на оборону на минимальном, но достаточном для надежного обеспечения безопасности страны уровне.

Значение нового шага к свертыванию неоправданной секретности выходит далеко за рамки собственно оборонных проблем. Снято еще одно препятствие на пути нормализации отношений между государством и обществом. На смену державному священнодействию, которое могло одарить своими благодеяниями многомиллионные социальные группы, а могло и наложить на них опалу, приходит демократический механизм, в рамках которого народ, используя государственные институты, решает вопрос о том, как ему расходовать собственные средства.

Теперь, когда завеса, прикрывавшая тайнство формирования и использования государственного бюджета, приподнялась, нет нужды подробно объяснять, что собственно произошло в последние годы на потребительском рынке, чем определялось резкое ухудшение ситуации. Бурно растущий бюджетный дефицит, усиление инфляционных процессов, подрыв доверия к рублю не могли не породить потребительской паники. Приведем финансовая политика последних лет к иным результатам — можно было бы говорить об экономическом чуде. Чуда не произошло, экономические законы еще раз убедительно доказали, что с ними необходимо считаться.

Приходится отказываться от политики, не учитывавшей реальные возможности страны, радикально пересматривать приоритеты. На передний план выдвигаются решительные меры по оздоровлению финансов и денежного обращения, разработка бюджета чрезвычайной экономии. Характерная деталь в политическом докладе. Обсуждение важнейших социальных проблем, для решения которых надо изыскивать средства, ведется в тесной увязке с анализом возможностей экономики, источников мобилизации ресурсов.

Ключевой вопрос экономической политики — взаимосвязь финансового оздоровления и развития экономической реформы. С конца прошлого года явно прослеживаются признаки отступления по ряду ее ключевых направлений, демонтажа введенных экономических рычагов. Позиция, сформулированная в докладе, предельно четкая: последовательное углубление реформы — магистральный путь развития народного хозяйства. Необходимо не откладывать, а, наоборот, ускорять разработку и осуществление взаимосвязанных шагов, направленных на

перестройку хозяйственного механизма, становление полноценного социалистического рынка. Не ждать конца текущей пятилетки. Никакие меры по финансовому оздоровлению не могут заменить реформу, они лишь создают минимально приемлемые условия для ее развертывания.

Исторический опыт делает вполне понятным опасение: слова о чрезвычайных мерах и финансовом оздоровлении не должны на практике обернуться тихим сворачиванием реформы. Отсюда призывы к немедленному демонтажу административно-командной системы, снятию с ее связывающих хозяйственную инициативу предпрятий.

Однако рынок — это не только оптовая торговля и самостоятельность в формировании производственной программы. Это еще и цены, балансирующие спрос и предложение. Такими ценами можно управлять, но им нельзя приказывать. Динамика равновесных цен определяется соотношением добровольных сбережений и инвестиций, доходов и расходов бюджета, темпами роста денежной массы. Для любого грамотного экономиста очевидно, что в современной финансовой ситуации решительные меры по размораживанию цен неизбежно приведут к тому, что темпы открытой инфляции в течение нескольких месяцев повысятся до десятков и сотен процентов в год. Полагать, что в такой ситуации удастся удержать неизменными цены на основные потребительские товары, могут лишь неисправимые оптимисты. Сказанные в докладе слова, что такой выбор взорвал бы социальную ситуацию в стране, подчеркивают всю сложность проблемы.

Нет никакой загадки в том, что нужно сделать, чтобы радикальные меры по углублению реформы, развитию рыночного регулирования не привели к таким деструктивным последствиям. Ответ на этот вопрос давно известен: надо проводить жесткую кредитно-денежную политику, резко сократить темпы роста кредитования, денежной массы, а в наших конкретных условиях, когда важнейшим пользователем кредитных ресурсов является бюджет, привести расходы государства в соответствие с мобилизуемыми на неинфляционной основе финансовыми ресурсами. Вопрос о бюджете всегда политический. И прения по докладу М. С. Горбачева показывают, сколь непросто найти его решение.

Государственный бюджет — это механизм крупномасштабного перераспределения средств, в работе которого теснейшим образом переплетаются интересы различных социальных групп. Парадокс нынешнего положения состоит в том, что распределительные процессы, в которых государство выполняет функцию посредника, интерпретируются в общественном сознании именно как отношения с властью. И те, кто не удовлетворен недостатком бюджетных ассигнований, и те, кто не может согласиться с избыточным налогообложением, нередко с чувством взаимной солидарности предъявляют претензии центру по прямо противоположным поводам. Самые различные межрегиональные, межотраслевые, межгрупповые противоречия воспринимаются как конфликт с государством.

Если раньше у государства смиренно просили увеличения ассигнований, то сейчас, в условиях демократизации, положение радикально изменилось. Регионы, отрасли уже в полной мере научились громко, уверенно требовать перераспределения финансовых ресурсов в свою пользу. А общество еще не осознало, что речь идет о его собственном кармане, о тратах, которые все равно придется оплачивать повышением налогов, ростом цен, пустыми полками в магазинах.

Принято ответственное решение о существенном сокращении оборонных расходов. Открываются реальные возможности использовать высвобождающиеся ресурсы на нужды финансового оздоровления, для укрепления рубля, борьбы с инфляцией. Но немедленно высказывается такое количество категорических требований, на что должны быть на-

правлены эти отсутствующие деньги, что возникает реальная угроза дальнейшего осложнения финансового положения государства в результате намеченной экономики.

Пожалуй, самое наглядное представление о том, как трудно продвигаться в решении жизненно важных финансовых проблем, даст анализ обращения 417 депутатов-аграрников, внесенного на рассмотрение Съезда на шестой день его работы. Изложенная в нем позиция предельно ясна. Горед в большом долгу перед сслом. Никакое сокращение капиталовложений в аграрный сектор экономики недопустимо. Наоборот, снизив расходы государства на промышленное строительство, оборону, космос, надо высвобожденные средства направить в село. И не сваливать финансирование этих затрат на крестьянина, а вести их за счет бюджета. Повысить закупочные цены. Списать задолженность сельскохозяйственных предприятий.

Выступавшие депутаты приводили примеры неприемлемой политики по отношению к деревне. Под флагом финансового оздоровления пытаются урезать обещанные капиталовложения. Увеличивают плату за кредит, больше того, требуют проценты по безнадежным ссудам, выплата которых отсрочена. Такое положение нетерпимо, с ним нельзя мириться!

Вопрос настолько серьезный, ключевой для судьбы страны, что в нем стоит разобраться спокойно, отбросив эмоции. Да, деревня вынесла на себе огромный, непосильный груз в годы индустриализации, войны, послевоенного восстановления. Вряд ли найдется человек, который станет оспаривать то, что социальные условия жизни на селе неудовлетворительны, а дефицит продовольствия — острейшая проблема. Только ведь предлагаемые рецепты уже применялись, и не одно десятилетие. Доля капиталовложений, направляемых на развитие сельского хозяйства на протяжении нескольких пятилеток, беспрецедентна для индустриализированной страны, гораздо выше, чем в зарубежных социалистических государствах, обеспечивающих себя продовольствием. Трудно найти в мировой практике и подобные примеры поразительно низкой отдачи направляемых сюда средств. Наш опыт показывает, как можно вложить десятки миллиардов рублей в плохую технику для села и железобетонные коробки, закопать их в землю, — не только не поправив продовольственное положение, но и не преодолев нетерпимых различий в уровне жизни города и деревни. Пустые полки магазинов, притом отнюдь не только продовольственных, — это огромный, растянувшийся на всю страну памятник без толку потраченным миллиардам.

Административно-командная система на селе скомпрометирована безоговорочно. И в обращении депутатов-аграрников сказано, что надо идти к широкой хозяйственной самостоятельности сельских труженников, взаимовыгодным госзаказам, плюрализму форм собственности. Беда только в том, что все это невозможно сочетать с инфляционной экономической политикой «легких» денег, наращиванием непосильных для страны бюджетных капиталовложений. Нет более надежного способа укрепить власть управленческой структуры, руководящей сегодня аграрной сферой, чем увеличить поток направляемых сюда безвозвратных государственных ассигнований. Ведь в этом случае рынок не сможет работать, а следовательно, без дефежа дефицитных ресурсов, без команд, что и где сеять, просто не обойтись.

То, что социальное обустройство села находится в недопустимо запущенном состоянии, бесспорно. Как и то, что государство сегодня не может откладывать пенсионную реформу, повышение помощи малобезобеспеченным, развитие здравоохранения и образования, острейшие экологические проблемы, о которых шла речь на Съезде. Для решения всех этих проблем нужно изыскивать ресурсы. Но ресурсы реальные

опирающиеся на прочный финансовый фундамент, а не на благие пожелания и растущий поток ничем не обеспеченных бумажных денег.

Финансовые закономерности жесткие. Тяжелое положение бюджета не поправить ни ссылками на прошлые ошибки, ни радужными надеждами на завтрашние доходы. Инфляционное давление определяется способностью сегодня соизмерять затраты и ресурсы. И то, что речь на Съезде пошла не только о том, куда бы хорошо направить средства, но и об их источниках, — свидетельство накапливаемого демократического опыта.

Задача финансового оздоровления экономики пока еще не является неразрешимой. Крайне слабо задействованы возможности сокращения производственных капиталовложений. В докладе принятые на этот счет скромные меры названы лишь первыми шагами. Значительные резервы могут быть получены за счет повышения финансовой эффективности использования валютных ресурсов. Конверсия оборонных производств позволяет не только сократить прямые оборонные расходы, но и организовать выпуск высокодоходной продукции, разгрузить сырьевые отрасли. Есть и другие пути. Но весомых результатов можно добиться, лишь радикально переориентировав всю экономическую политику, подтянув ее в ближайшие годы стабилизации финансов.

В ходе перестройки допущено немало крупных хозяйственных просчетов. Тональность, основные идеи доклада, ход развернувшейся дискуссии свидетельствуют: уроки из них извлекаются, предложена, на наш взгляд, единственно обоснованная в сложившейся ситуации линия в хозяйственной политике: сочетание жестких антиинфляционных финансовых мер с углублением реформы, развитием рыночного регулирования. Проводить такую линию сегодня возможно, лишь опираясь на широкую демократическую поддержку, общественный консенсус, способность социальных групп, представляющих их интересы депутатов осознать неразрывную связь интересов региона и отрасли с интересами страны, свою за них ответственность. При всей специфике региональных проблем устойчивая финансовая система, твердый рубль равно необходимы как основа здорового экономического развития и в Прибалтике, и в российском Нечерноземье, и в Средней Азии. А значит, есть и объективная основа реализации направленной на их укрепление политики.

Еще одно важнейшее условие успеха намеченного курса, значение которого мы в полной мере осознали в ходе перестройки, — способность нашего Правительства воплотить его на практике, в конкретных, продуманных хозяйственных решениях.

Сроки подписания в печать настоящего номера журнала не позволяют проанализировать развернувшуюся по этому и многим другим вопросам дискуссию. Она подтверждает: что бы ни обсуждалось — проблемы политики, экономики, национальных отношений и даже вопросы процедуры, — речь, по сути, идет о положении человека в нашем обществе, о его достоинстве, гражданственности, ответственности. «Постижение истины всеми вместе и каждым из нас, — говорил М. С. Горбачев, — нелегкий процесс, но он, товарищи депутаты, нам жизненно необходим». И уже первые дни работы Съезда стали важным шагом в этом трудном деле.

Е. ГАЙДАР, О. ЛАЦИС